3-й год издания

№ 12

СМЕХАЧ

АПРЕЛЬ 1925

Ленинград, Просп. Володарского, 53-а. Ред. тел. 5-49-78, конт. тел. 1-68-89

Цена 25 коп.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЙ ДЕНЬ

Рис. В. Козлинского

— А вы, Егор Егорыч, не забыли, что завтра—первое мая?
— Как-же такой день забыть: я еще не подал декларации подоходного налога!..

НА ЧЕРНУЮ ДОСКУ!

ИЗ РЯДА ВОН ВЫХОДЯЩЕЕ ГОЛОВОТЯПСТВО

О НЕМ СООБЩАЕТ ПЕРМСКАЯ „ЗВЕЗДА“. ДЕЛО В ТОМ, ЧТО ПЕРМСКИМ ОКРПОЛИТПРОСВЕТОМ БЫЛИ ОРГАНИЗОВАНЫ КОМИССИИ ДЛЯ ИЗЪЯТИЯ ИЗ БИБЛИОТЕК ЛИТЕРАТУРЫ, КОТОРОЙ ЧЕ МЕСТО В СОВЕТСКИХ БИБЛИОТЕКАХ.

В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРОИЗВЕДЕННОЙ КОМИССИЯМИ „РАБОТЫ“:

„В СРЕТЕНСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ... **ИЗЪЯТЫ** УЧЕБНИКИ ГЕОГРАФИИ, **СОЧИНЕНИЯ ЛЕНИНА:** „ВЕЛИКИЙ ПОЧИН“, „КОЛЧАКОВЩИНА НА УРАЛЕ“ И ДР.

НЕ ДУМАЙТЕ, ЧТО ЭТО ЕДИНИЧНЫЙ СЛУЧАЙ.

В СЮЗЕВСКОЙ ИЗБЕ-ЧИТАЛЬНЕ НЕ ЛУЧШЕ:

„ИЗЪЯТЫ ВСЕ КНИГИ О ТРАНСПОРТЕ ВО ВРЕМЯ РАЗРУХИ И НЫНЕШНИЕ — О КООПЕРАЦИИ. **„СОБРАНИЕ ДЕКРЕТОВ И УЗАКОНЕНИЙ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА“** И ДР.

В ВАСИЛЬЕВСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ:

„...ИЗЪЯТЫ, КАК „ВРЕДНЫЕ“, СОЧИНЕНИЯ ТОВ. ЗИНОВЬЕВА: „ИСТОРИЯ КРАСНОЙ АРМИИ“, „ОТЧЕТЫ О ВСЕРОССИЙСКИХ С'ЕЗДАХ СОВЕТОВ“, **БРОШЮРА ЛЕНИНА,** ПОСВЯЩЕННАЯ ДИСКУССИИ О ПРОФСОЮЗАХ, И НАКОНЕЦ **„ПРОГРАММА РКП“.**

ЭТО УЖЕ ЦЕЛАЯ ГОЛОВОТЯПСКАЯ СИСТЕМА! ИБО И В СЛУДСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ —

ВЗЯТЫ ПОД ПОДОЗРЕНИЕ „ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА“, „КОМСОМОЛЬСКАЯ ПАСХА“, СТЕПАНОВ „О РЕЛИГИИ“, „РЕЗОЛЮЦИИ XI С'ЕЗДА РКП“.

А ИЗ НАЗАРОВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

„ИЗГНАНЫ ДАЖЕ КНИГИ ПО ЛИКВИДАЦИИ НЕГРАМОТНОСТИ“ (!!).

„ЗВЕЗДА“ СООБЩАЕТ В УТЕШЕНИЕ, ЧТО „ПОЛИТПРОСВЕТ **ПРЕДПОЛАГАЕТ** ДАТЬ СТРОЖАЙШИЕ УКАЗАНИЯ КОМИССИЯМ И ОТДЕЛЬНЫМ БИБЛИОТЕКАМ О НЕДОПУСТИМОСТИ ПОДОБНЫХ ИЗЪЯТИЙ.

НАМ ПРЕДСТАВЛЯЛОСЬ БЫ БОЛЕЕ ЦЕЛЕСООБРАЗНЫМ ИЗЪЯТЬ ИЗ ОБРАЩЕНИЯ САМЫЕ КОМИССИИ И ЗАСАДИТЬ ИХ ЗА ИЗУЧЕНИЕ ИМИ ЖЕ ИЗЪЯТЫХ КНИЖЕК. А ДО ТОГО, НА ПУШЕЧНЫЙ ВЫСТРЕЛ НЕ ДОПУСКАТЬ НИ К ОДНОЙ БИБЛИОТЕКЕ.

(„Уральский Рабочий“, № 65).

ЖЕМЧУЖНОЕ КОЛЬЕ

У супруги английского политического деятеля украли жемчужное колье.

Само собой разумеется, поднялась невероятная шумиха. Полиция, которую обычно „ставят на ноги“, — ввиду исключительного случая, была поставлена на-голову.

„До чего мы дожили!“ — кричала крупным шрифтом газета, субсидируемая мужем пострадавшей: „Воры наглеют с каждой ночью! Не довольствуясь карманами обычных смертных, они подбираются к шеям правящих сфер. Сегодня — ожерелье супруги его превосходительства, а завтра — украдут и супруга ее превосходительства! Королевство в опасности! О чем думает шеф полиции?!“

Одновременно этот факт попал на зубок рабочей прессе:

„Обратите внимание, рабочие, сколь скромны украшения правящей буржуазии: пропавшее колье стоит 5.000 долларов. Тысячи ваших жен не носят на себе столько, сколько одна обездоленная супруга лорда“.

Вполне понятно, что супруга, возмущенная этим „наглым выпадом“, немедленно „выступила в лондонской печати с открытым письмом, в котором указывала в резкой форме, что ее жемчужное колье стоит гораздо меньше, чем 5.000 долларов“ *).

— Уверены-ли вы, что поиски колье тщетны? — спросила она, в беседе, шефа полиции.

— Увы! Чудес не бывает, милэди...

— Я опубликую в газете одно предложение! — решительно заявила супруга лорда, стиснув белую перчатку. — Оно блестяще докажет этим демократам, что ожерелье не стоит пяти тысяч...

Прошел день, и — о, чудо! — по телефону позвонил шеф милиции:

— Поздравляю, милэди! *Колье найдено!*

— Найдено??!! Какой ужас!..

Трубка выпала из рук, и милэди повалилась на-пол, в глубоком обмороке.

И снова — суматоха: звонки, телеграммы, экстренные бюллетени газет:

„Супруга лорда в обмороке...“

„Она приходит в себя...“

„Она, слава богу, пришла в себя...“

— Успокойся, душечка! — шептал испуганный лорд: — Можно-ли было принять так близко к сердцу радостное известие о находке колье?!

— Оно потеряно! Я отказалась от колье! — в отчаянии стонала супруга лорда: — Разве я думала, что оно найдется? И я послала в рабочую газету заявление, что вместо колье возьму только пятьсот долларов, чтобы доказать, что колье стоит именно столько. И вот, оно найдено, и я получу только пятьсот... На четыре с половиной тысячи меньше его стоимости...

* * *

Эту поучительную историю мы рекомендуем вниманию мадам Ллойд-Джордж, недавно попавшей в подобное же положение.

А вдруг, украденное у ней колье, „не стоющее пяти тысяч“, будет найдено? Вдруг!

Впрочем, мадам Ллойд-Джордж не глупа: она писала в письме, что „колье не стоит пяти тысяч“ *), но не писала, что согласится взять 500 долларов.

Она осмотрительна, как верхняя палата лордов.

Ив. Прутков

*) Из заграничных телеграмм.

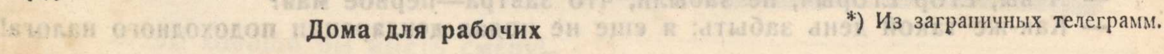
РАБОЧЕЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ПОЛЬШЕ

В Польше строятся новые тюрьмы. (Из газет.)

Рис. Б. А.

Дома для рабочих

ВЕСНА

Прошли льды в реке, и потянуло Павлуху Словечкина домой, в побывку. Ротный начальник слова не сказал—пустил, ротный начальник—человек хороший, все понимает, настоящий, свой.

Вот красноармеец Словечкин Павел в деревне. Хорошо весной в лесах, в полях. Три дня, три ночи глядел и слушал Павел, как весна идет. По черной бархатной земле журчали, звеня, ручьи, сплетаясь в седые косы. Кой-где лежал еще снег, но озимые всходы ярко зеленели и зеленел хмурый, на пригорке, лес.

Ночью и утренней зарей тянули с юга гуси, журавли,—и Павлухино сердце, забыв военную муштру, город, политчас, вдруг затомилось по весеннему.

А тут, возле церкви, лужок просох, и по зеленому—желтые цветки. Эй, гармонь сюда! Парни, девки, айда-те на лужок... Грянь, грянь веселей, гармонь!... Вьюном завейся хоровод, весна пришла!

Удалей, задорней всех, известное дело, Ненила Чебакова. Она почти-что городская, у какой-то генеральши в прежнее время горничной была—расфуфыренная вся, в кудерышках, в корсетах, в бантиках. Взглянул на нее Павлуха и раз, и два—его сердце вдруг пустило сладкую слюну.

— Ах, Ненила Петровна, и так далее...—сказал он ей, пожимая маленькую руку с перстеньком.—Мы, как будучи военные, очень даже хотим познакомиться с вами, как можно, потеснее, и так далее...

— Ах, как приятно нам,—сказала и Ненила Петровна, потупив очи.—Меня ужасно тянет в город и ко всему такому этакому...

— Тогда сделайте одолжение в лесок... Там сухо, и так далее...

— Ах, я, извиняюсь, не про это... И пожалуста выкиньте из головы...

— Из головы выкинуть легко,—вздохнул Павлуха,—Взял, да выкинул. А вот в мое сердце вы всадили ужасную занозу, и так далее...

— Я согласна,—вздохнула и Ненила.—Только попозже, чтоб не видал никто... Ах, какой вы злодей и сердцеед.

— Ха-ха-ха!... Это верно... Мы женских сердцов прямо изглодать можем, почем зря.

Над лесом, над пушистой моховой полянкой, над всей землей в эту ночь стояли звезды, и молодой похорошевший месяц тихо плыл в невидимой ладье. Прощай, город! Прощай, военная муштра, политчас и политрук—всё прикрыл туман, и над туманом, возле звезд, тянули с юга журавли. И время неслось, как вихрь. Ударила в свои заветные часы кукушка; солнце, жемчужная роса и трельный трепет жаворонка над полями... Хорошо весной!

Кувыркались, мелькали ночи, дни. Спешили одна за другой недели. Кончался месяц. И в голове красноармейца: „весна весной, а дело делом". Срок побывки истекал.

Ненила Петровна Чебакова как сбесилась.

— Ах, я немогу тебя одного отпустить, красавчик мой.

— Это как вам угодно, только что нам не сподручно вас: дисциплина и так далее. Мы люди холостые...

— Пожалуйста, не отговаривайся, андел... Я знаю, у тебя прихехенька какая нибудь там заведена. Не бывать тому! Я очень ревнистая...

— Ужасная неосновательность какая в ваших диспутах...

— Ах, молчи...

— Прошу не перебивать...

— Молчи, молчи, молчи!..—и оба голоса с разбегу захрясли в поцелуе, как в сдобном тесте.

— Конечно, целоваться, принимая во внимание, я могу,—сказал Павел Словечкин, утирая губы рукавом.—Что касаемо, чтобы вместе ехать, то...

— Вместе, вместе, вместе!... А бросишь, руки на себя наложу...

Павел Словечкин замигал, сдвинул на глаза островерхую шапку и вздохнул.

— Вы ужасно любите кароводить мужской пол,—сказал он.—Всех здесь закароводили... Буржуйка вы, и так далее... Даже уж на что дрянь—лавочник, шестидесяти одного года—и тот омолаживаться чрез вас в Москву собрался... Какой-же тут, к лешему, коммунистический подход?

Ненила Петрова заломила руки, сказала:

— Прощай, Паша... Не поминай лихом. Завтра, на зорьке, утоплюсь.—Сказала так, заплакала и нога-за-ногу—домой.

Павел через зубы сплюнул, зло прокатилось по груди, и все в середке как-то опустело. Тошно было, нехорошо, качался белый свет в глазах.

— Тьфу ты, язва!—еще раз сплюнул он.—Какой допускает надо мной тираж... Да ее всяк трепал, кому не лень... Да она... Тьфу!... Она пятый год давиться собирается... Тоже, в супружницы лезет... В город ее вези... Тьфу!...

Он только хотел подняться с завалинки и с прощальным поклоном пройтись по цветущим полям, как вдруг:

— Ежели не возьмешь,—заорала подскочившая к нему Ненила,—я твоей Настьке ворота дегтем вымажу! Ишь ты, богатенькую сватать! Врешь, молодчик! Я те... Не на таковскую напал... Я те все рамы колом выбью, на весь свет орать буду: вот, глядите, мой полюбовник, мой!...

— Не ори, дьявол-тя ешь, возьму!...—прошипел Павлуха.—Уходи: видишь, народ из окошек заинтересовался. Собирайся завтра. Так и быть.

А вечером зашел к ней:

— Хотя тятька мой и зажиточный, а денег дал в-обрез. Но чорт с ним, мы базу сделаем в корзине. Возьми вот эту корзину, только, чтоб пустая была. А вещи в узелок.

Утром отвозил их на станцию попутный крестьянин. Ехали долго. Возле станции Павлуха расчитался с возницей.

— Вот в чем выход положения,—сказал Павлуха своей Нениле.—Залезай в корзину и будешь там жить до города. Завтра приедем. Вот тебе хлеб, вот тебе лук, вот соль, всякий нарпит. А в бутылке водичка. До станции дотащу и сдам в багаж. Пожалуста, не кобенься, а то скоро поезд прикатит. Наши военные очень даже часто любовную живность таким манером в город привозят. Не хныч, а то скажу—прощай и фьють!

Кряхтя и обливаясь потом, Павел допёр багаж до вокзала и поставил на платформе, в сторонке, в холодок.

— Фу! ну и грузные вы, Ненила Петровна. Это все от деревенских воздухов...—согнулся он и сказал в корзину.

— Ах, я прямо расцвела ужасно... Тебе завидовать будут все...

— Конешное дело... Нам даже очень лестно... А вот и поезд... Только вы заприте дух и не кряхтите, когда вас понесут в вагон... Сейчас, сейчас... Эй, носильщик!... Забирай багаж... Пока!... До приятного...

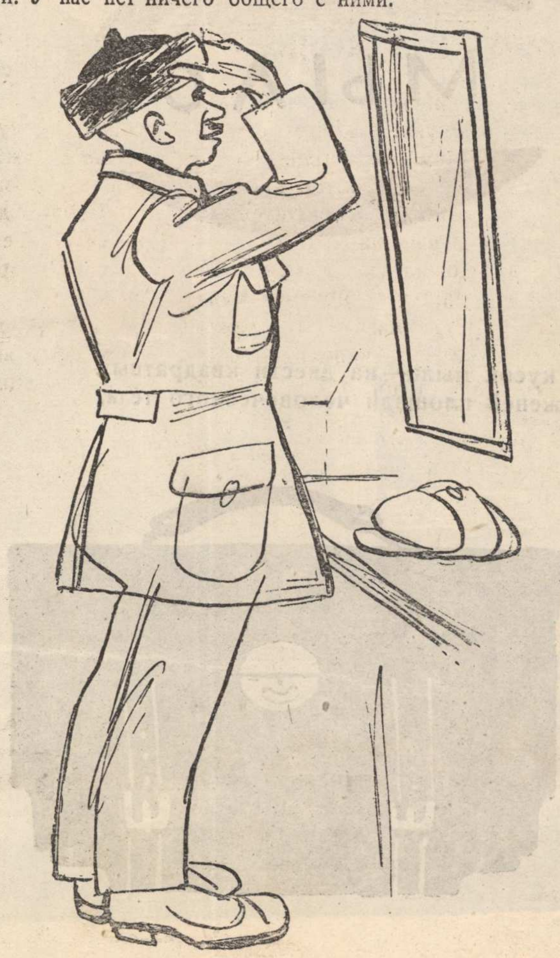
Поезд пришел, свистнул, фыркнул, продул ноздри,—дальше. Свистнул, фыркнул и Павел Словечкин, выглядывал из бегущего окна. Поезд скрылся, скрылся Павел где-то там, за поворотом, в дыму, в искрах, в грохоте колес.

Весеннее солнце жгло: лето стояло при пороге. И стояла на заплеванной платформе одинокая корзина, туго перевязанная веревками. Эй, носильщик!

Вяч. Шишков

ФИНСКИЕ ПЕСНИ

СТОКГОЛЬМ, 3. Финляндский посланник произнес речь, в которой, между прочим, сказал: „Мы не хотим иметь никаких дел с Россией или русскими. У нас нет ничего общего с ними.

— Если финка на-голову лезет—это ничего. А чтобы мне на голову сел финн?—дудки-с!

ЖУРНАЛ В ДЕРЕВНЕ

Возвратившись из Тамбова,
Пров жене привез обновы,
Ваньке с Тишкою—калач,
А себе купил „Смехач“.
Уж была тогда потеха
У столпянских мужиков,
Как читал, давясь от смеха,
Пров про местных кулаков!
Даже дед, Аким беззубый
(На Петровки—сотня лет!),
Распустив от смеха губы,
Шамкал: „Форменый патрет!“
Самогонщик, дед Афоня
Буркнул: „Этта хорошо!“
А зашло о самогоне,—
Заплевался, отошел.
У Максимова, Антона,
Что смеялся больше всех,
От крутого фельетона
Под усами замер смех.
— „Что, Антоша, брови супишь?
Аль слова не по плечу?..
Знать про то, как бабу лупишь
Стало знато Смехачу“.
Но предательский румянец
Скрыть не мог и дядя Пров,
Как пошли стихи про пьяниц,
Про беспутных мужиков.
— „Что читаешь, дядя, плохо?
На глаза, должно, ослаб?—
Подмигнул, под общий хохот,
Молодой селькор Потап.

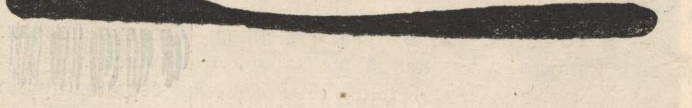
Р. Волженин

НЕМНОГО СТАТИСТИКИ

Рис. В. Лебедева

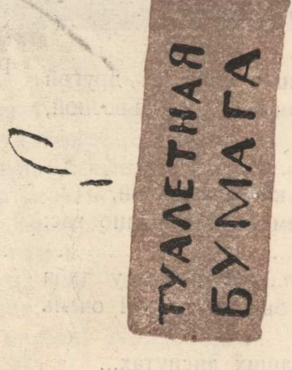
В то время, как одна пара носков приходится на тысячу пар портянок,

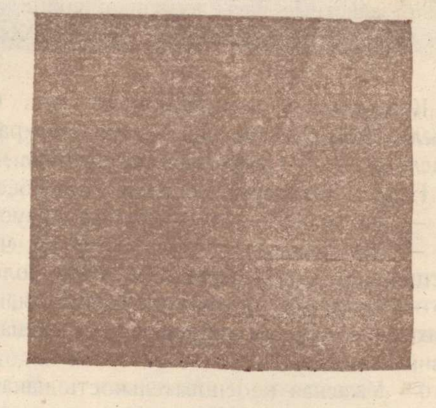

а одна зубная щетка—на сто пивных зуботычин,

кусок мыла—на двести квадратных саженей площади человеческого тела,

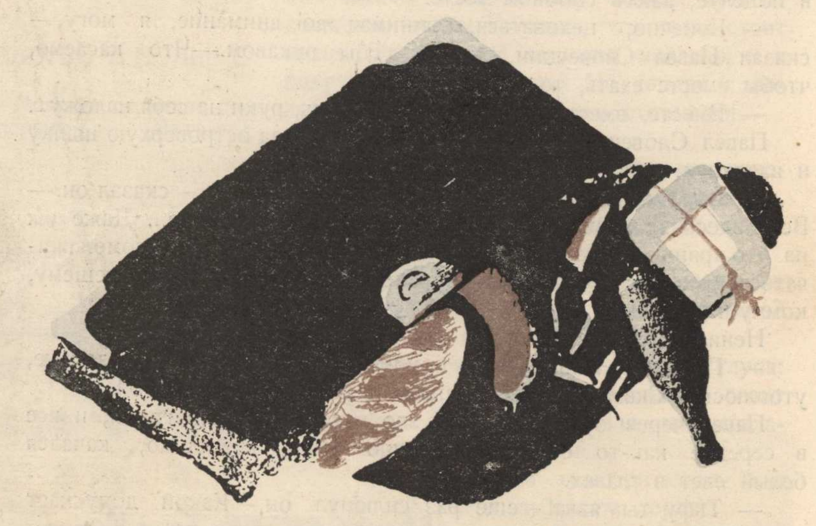

а один такой листок—на два миллиона входящих и исходящих—

в это самое время десять человек из девяти имеют портфель.

А что в девяти из десяти портфелей? Что бы там ни было, портфель придает весьма внушительный вид.

СЕРЬЕЗНЫЙ ГРАЖДАНИН

Гости давно собрались, но к столу еще не приглашали.

— Знакомого одного дожидаемся, — пояснял гостям Акимов.—Уважаемого Пал Матвеича, очень серьезный гражданин, в партию даже хотел записаться, но не приняли. На службу он меня поставил, и я теперь за первого человека его почитаю.

В прихожей раздался звонок.

— Он, — засуетился Акимов.

Через минуту, в комнату вошел худощавый мужчина в толстовке.

— Пал Матвеич,—представил Акимов,— прошу уважать.

Мужчина поздоровался и обвел всех суровым взглядом.

— Это что?—ткнул он пальцем в голое плечо молоденькой девицы.

Девица покраснела.

— Обыкновенно, декольте.

— Декольты теперь крик моды, Пал Матвеич,—пояснил Акимов.

— Эти крики,—строго сказал мужчина, —одно распущение нравственной мысли.

Сели за стол. Акимов достал бутылочку.

— Новенькая, Пал Матвеич,—сказал он, ласково поглаживая бутылку с травкой.

Мужчина сурово покосился на бутылку.

— Поражаюсь я тобой,—сказал он. — Получаешь ты по седьмому разряду, а травяные водки раскупаешь... Я-же по девятому разряду не позволю себе пива на свои деньги выпить.

Акимов смущенно стоял с бутылкой.

— Ладно уж, купил так откупоривай. Только пьянство нечего разводить,—налей всем по рюмке и хватит, остальное мне отдай, я дома в уборную вылью.

Гости тяжело вздохнули. Мужчина принял из рук Акимова бутылку и сунул карман.

— И вообще,—продолжал он, оглядывая стол,—куличей напек, яиц накрасил... На пустяки народные деньги тратишь... Зря, братец, на службу я тебя поставил, очень жалею. Заверни-ка мне в бумагу пол-пасхи да кулича положи, я по дороге беспризорным раздам.

Угощение прошло вяло. Разговор не клеился, причем мужчина все время говорил о своей службе, а все молчали, подавленные.

Когда встали из-за стола, Акимов подошел с улыбкой.

—Пал Матвеич, девицы танцовать хочут...

— Какие еще танцы?—возмутился мужчина. — Запрещены танцы, не танцую я.

Акимов вздохнул.

— Может, грамофончик завести?

— Грамофончик... Радио-бы надо в доме держать. А какие пластинки имеются? Знаменитые речи имеются?

— Речей нету...Оркестры выдающие есть.

— Польки, эстонки... Буржуазные правительства всякие пакости нам строют, а мы ихнюю музыку будем слушать.

Мужчина взял с тарелки кружок колбасы и направился на кухню.

— Пойду водку в уборную вылью.

Вернувшись через две минуты и утирая усы, мужчина окинул строгим взглядом притихших гостей.

— Сейчас у нас дни отдыха стоят, а отдых нужен нам умственный, культпросветный... Вот я газеты с собой прихватил, обширные газеты, на весь вечер хватит. Ты вот читай, Акимов, вслух, а мы послушаем. Начинай по порядку с передовой.

Акимов достал очки и развернул громадную газету. Чтение началось.

Гости подавленно слушали.

К. Мазовский.

РЫЦАРЬ ЧЕРНОГО ОРЛА

В Германии правые партии выдвинули кандидатуру Гинденбурга на пост президента.

(Из телеграмм)

В Германии, во времена Вильгельма, Гинденбургу был поставлен памятник, в который каждый патриот должен был вбить гвоздь, чтобы покрыть его металлической броней.

(Из архива)

Рис. Л. Бродаты

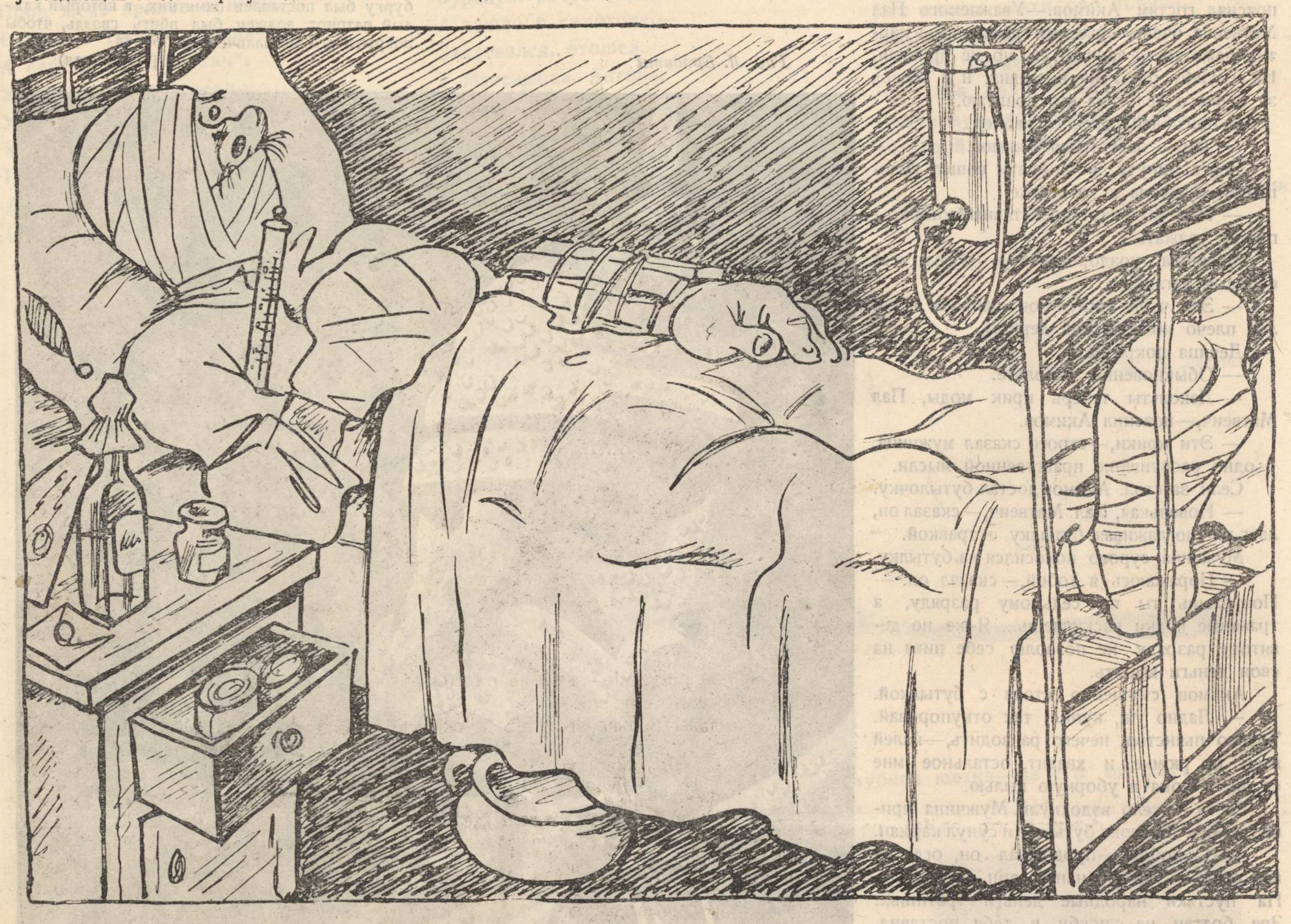

— Хорошо, что в меня вбили столько гвоздей: будет чем пригвоздить бунтующую чернь.

ПЛОХОЙ ЖЕЛУДОК

При столовой Московск. завода „Красный Богатырь“ сформировался кадр в 5—6 хулиганов, которые, угрожая пивными бутылками, отнимают у обедающих обеды и требуют денег на пиво. („*Раб. Москва*“)

Рис. Н Радлова

— Одного обеда пять дней переварить не могу!..

ВАНЬКА-ХВОСТ И МАРУСЬКА ПЛАКСА

Губздрав и Собес! Губоно и Соцвосы!*)
Я знаю, что ваша не дремлет совесть.
Разрешите углубить все те же вопросы,
Посвятив вам от сердца панельную повесть.

Солнце шпарит по панелям, по крышам,
И каждому выдан входной билет.
Ванька-Хвост про Маруську прослышал—
Женился Ванька двенадцати лет.
Голос у Ваньки—по-детски звонок,
Профессия Ванькина—трамвайный лов,
Записан Ванька, как дефективный ребенок,
В анкетах покинутых детских домов.
Утро за утром, и зиму, и лето
Плывет на работу подвальная муть—
Врезается бритва, острее „жилета“,
Вскрывая в трамвае пиджачную суть.
Катается „муж“ на маршруте четвертом,
На пятом работает честно „жена“—
Тянет слезливо в воздухе спертом:
— Папа в больнице, а мама больна...
Влезают, толкают, слезают портфели,
Канцелярские и иные глядят глаза,
Но жуткой, человеческой паре с панели
Никто никогда ничего не сказал.
Просты и обычны, как трамвайная такса,
Как березовых почек апрельский рост,
Живут эти дети: Маруська-Плакса
И сверхштатный карманник—Ванька-Хвост..

Александр Флит.

*) Отдел Социального Воспитания.

НОВЫЙ СЕМЕЙНЫЙ ЖУРНАЛ

(Библиографическая заметка)

Уже давно на территории С. С. С. Р. ощущалась острая необходимость в истинно-семейном журнале, который в то-же самое время распространял-бы знания, в особенности, научные. Например, что такое радио, и сколько стоит завести его рабочему или служащему, получающим по средним ставкам? Или, например, что видит пред собою пчела, и что чувствует муха, когда ей оторвут голову? И тому подобное.

Выходящий с недавнего времени в Ленинграде журнал „Вестник Знания“ счастливо восполняет собою вышеуказанный пробел. В нем счастливо соединяются оба эти начала; и распространение полезных знаний (преимущественно—научных) и семейственность.

В отношении научности решительно ничто не забыто: Радиография, химия, электротехника, психология, астрономия, сравнительная анатомия, сравнительное языкознание, коммерческая география, артиллерия с баллистикой и подачей первой помощи раненым, интегральное исчисление—и многое другое.

Не хватает только чревовещания, но и этот пробел в следующих выпусках обещано пополнить. Притом, всякого знания отпущено читателю в минимальных размерах, чтобы не переобременить его. Это очень разумно, и всячески следует приветствовать.

В отношении семейственности, приятно поражает, что многие сотрудники принадлежат к одной и той-же семье. Так, редактором состоит проф. В. М. Бехтерев. Ту-же фамилию, но с другими инициалами, встречаем и в числе сотрудников. А сотрудник Н. М. Бехтерев, поместивший статью о Плещееве, цитирует стихи „поэта-пессимиста Н. Н. Бехтерева!“ („Вестник Знания“ № 4).

Отрадно верить, что в следующих №№ журнала выступят и другие члены этой семьи. С удовольствием констатируем, что читатели, столь долго ожидавшие истинно семейного журнала после старой буржуазной „Нивы“, наконец получили его!

Библиограф

Рис. Б. А.

ЛЮДИ, ЛЮДИШКИ, ЧЕЛОВЕЧКИ

Вы их замечаете всюду:—в трамвае, на службе, на заводе, на фабрике, на улице, в собственном жилтовариществе.

Люди работают с полной сто процентной нагрузкой. Люди живут крепко, цепко, настойчиво.

Люди редко вздыхают, еще реже отчаиваются. Люди не оглядываются назад. Люди не едят слухов. Люди делают день. Люди строят свои дни.

Людишки клейки, огнеупорны, пронырливы. Они были вчера. Размножаются сегодня и вряд-ли исчезнут завтра.

Людишки подворовывают, подрастрачивают, подделывают, подрабатывают, посиживают в исправдомах и вновь, по амнистиям, облепляют пышное древо жизни.

Человечкам можно скармливать слухи любыми партиями.

В каждом углу жизни, где зацепился человечек, ноздри людей обоняют нестерпимый запах мещанства.

Человечки служат, работают, охают, ахают, вздыхают, оглядываются, озираются, пугаются.

Ходят в галошах. С портфелем и без.

Ни во что не верят. Ни на что не надеятся. И, вместе с тем, во что-то все еще верят, на что-то все еще надеятся.

Плачут в кино и не читают газет.

Люди живут. Людишки устраиваются.

Человечки существуют.

Так и проходят по улице бок-о-бок со мною и с вами, все вместе, каждый час, каждую минуту—Люди, Людишки, Человечки.

Чуть не забыл: главная разница—Люди читают „Смехач". Людишки „Смехача" боятся. Человечки „Смехача" не читают.

Будьте спокойны за себя, читатель.

Вы—первой категории.

А. Македонский

В НОЕВОЙ БАВАРИИ

— А хорошо было насчет пива в Ноевом ковчеге!

— Почему?

— Там распоряжение такое было:

Каждой твари—по паре!

НЕУДАЧНЫЙ ДЕНЬ

Сколько веревку не вить, а концу быть, непременно быть!

Не выдержала, наконец, Учстрахкасса и нарядила комиссию:

— Вот что, дорогие товарищи, опять сегодня по бюллетеням не вышло на работу 93 человека. Вчера—85, позавчера—107, сегодня—93. Это и странно, и подозрительно. Вот вам список, все 93 фамилии, все 93 адреса,— пройдите по кварталам и убедитесь лично,—больны они, или жулики. Словом,—действуйте!

1.

— Здрасте. Больного Антимонова, конечно, нет дома?

— Антимонов-то? Дома!

— Гм... Почему же он дома? Может быть, вы не поняли? Нам нужен Антимонов Егор, слесарь деповских мастерских, 49 лет, болен ишиасом.

— Господи! Дык это жа папанька наш! Лежит! Лежит в доску!

— Гм... Странно... Бюллетень, а лежит. Позвольте нам на него взглянуть. Здравствуйте! Это вы больны? Гм... Позвольте, я вас осмотрю. Так... Так...

— Ну?

— Я полагаю, что действительно болен.

— Конечно, граждане, это странно, но ведь бывают же настоящие больные.

— Идем дальше.

2.

— Пустая постель! Ага! Пишите акт! Пишите! Закатите ему акт!

— Граждане! Больной-то вот. У окошечка.

— Ах, у окошечка! Почему же вы, больной, у окошечка?

— А почему бы... кхе... мне... кхе... и не быть... кхе... у... кхе... окошка, кхе-кхе?

— Ну, все таки. Больному в постели лежать надобно. Позвольте-ка я вас осмотрю. Поднимите рубашку. Дышите. Гм... Гм...

— Ну?

— Болен.

— Что ж... Идем дальше.

3 — 27.

— Вы знаете, я полагаю, что мы действуем совершенно неосмотрительно. Во-первых, раз симулянты обманывают на приеме, они прекрасно могут обманывать и дома. Вот, скажем тот, что у окошка сидел. Может быть, увидел в окошко и жульничать начал?

— Но, граждане, я же доктор. Я вижу.

— Видать-то видите, а что сказали в Учстрахкассе? П о д о з р и т е л ь н о! Вы же давали бюллетень, а касса говорит,— п о д о з р и т е л ь н о! Нет, тут что-то не так! Должно быть, и докторов можно поднадуть! Вы как нибудь по другому действуйте. А то, что в самом деле? Уже у 26-ти были, и ни одного жулика.

— Позвольте, граждане, я следующего осмотрю. Я хотя и не смыслю в медицине ни уха, а больного от здорового мигом отделю.

28.

— Дома больной?

— Вон там, за занавеской.

— Ну, как ему? Плохо, говорите? Лежит? Не встает? Без памяти? Это мы в один момент проверим. Батюшки! Да это Гаврюшка Чижов! Гаврюшь, здорово! Вставай, прячься, сборщики на-дом пришли. Смотри, все пятеро сейчас будут с тебя взносы брать.

— Авала... лава...ла... Которая Априка... Дым идет из трубы...

— Болен! Этот болен! Это я вам—голову на отрез!

29—92.

— Я, просто, теряюсь. Просто, не знаю, что и делать. 92 человека и все, как в насмешку, больные. Что-то здесь не так. Наконец, нам не поверят в кассе,—скажут,—не были.

— Остался последний!

— Чорт знает что... Чорт знает что...

93.

— Гражданин Петухов дома?

— Дома. Только что пришел.

— Ааааа.... Скажите,—и долго его не было дома?

— Да с самого утра.

— Ааааа.... Наконец-то! Ну, что,— взглянем на него, или прямо актик и домой?

— Лучше взглянуть. Для проформы.

— Пригласите к нам гражданина Петухова.

— Здрасте. Что угодно?

— Здрасте, гр. Петухов! Как ваше здоровье гр. Петухов? Откуда пожаловали гр. Петухов? С базарчику?

— Ага.

— Какой цинизм! Позвольте, граждане, я ему речь произнесу.

— О, конечно, конечно!

— Гражданин! В то время, когда весь сознательный пролетариат....

Говорит час.

... — И вы берете фальшивый бюллетень! Позор! Стыд! Срам!

— Ааааа! Так вы вот зачем! Чего же вы раньше не сказали! Вы, значит, к больному? Больной вот он—за стенкой, а я евоный брат. А брат,—вот он, он самолично,—только только бредить перестал и под вашу речь уснул.

Евграф Дольский

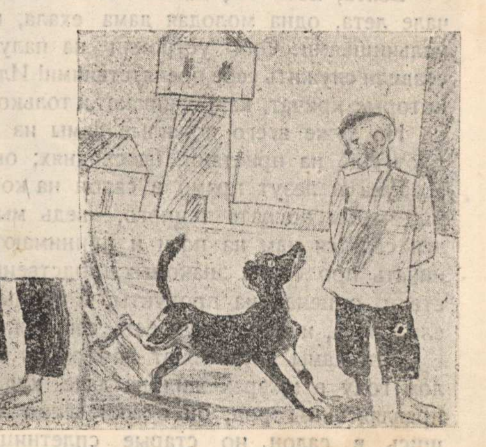
Рис. Г. Эфроса

СНИЖЕНИЕ ЗАРПЛАТЫ

Ремонтный рабочий, Шмидт, работающий на ст Палласовка (Ряз.-Ур. ж. д.) *за 90 коп.* в день, получил командировку на рытье кюветов для прохода весенних вод. Не желая ехать на эту работу, он нанял вместо себя батрака *за 40 коп. в день.*

По догадкам „Смехача", этим дело не кончилось, и зарплата продолжала последовательно снижаться.

90 коп. 40 коп. 20 коп. 10 коп. 0 коп.

(Даром—из любви к искусству).

МНОГОПОЛЬЕ

Рис. Б. Антоновского

КУРОРТНОЕ ЛЕЧЕНИЕ ДЛЯ КРЕСТЬЯН

Многие исполкомы решили в течение летнего сезона послать на курортное лечение крестьян.

В иных местах к отправке намечено по сто человек. (Из газет.)

— Теперь я вижу, что мужик действительно, перешел на многополье: мало ему, чорту, Рязанской губернии — в Ливадию залез!

НА ПАРОХОДЕ

(Перевод со шведского Ел. Благовещенской)

Я встаю в 5 часов утра, чтобы ехать в город. Остров спит. Только два-три рыбака с утренним уловом, да несколько служащих садятся на пароход.

Но случается, что на пароходе попадаются пассажиры, совершенно не умеющие вести себя, они нарушают наш покой и отравляют все удовольствие от поездки. Нужно принять решительные меры, выделить комиссию, что-ли, из благонамеренных пассажиров, которая при посадке на пароход, делала бы отвод нежелательному элементу.

Взять, хотя бы, детей. Плохо воспитанных детей. В самом начале лета, одна молодая дама ехала, как-то, на пароходе с двумя мальчишками. Они устроили на палубе скачки, причем, *нас* заставили служить себе препятствиями! Или, например, маленькие дети, которые кричат, капризничают и только даром отнимают у нас место.

Но хуже всего пожилые дамы из Даларэ. Они трещат и болтают еще на пристани, на сходнях; они боятся свежего морского воздуха и лезут прямо в салон на корме, куда обычно забираемся мы, чтобы поспать немного,—ведь мы очень рано встаем. Дамы эти садятся нам на ноги и принимаются с места в карьер сплетничать про своих знакомых, родственников, говорят о продовольствии, о ценах на продукты, о разных кушаньях, о том, что они ели вчера, и что будут есть сегодня.

Эти дамы доставляют нам очень много безпокойства. В прошлом году в шхерах жил на даче художник Шваб. По утрам, направляясь в город, он обыкновенно досыпал на пароходе, забравшись в салон, но старые сплетницы не давали ему спать. И в конце концов, ему удалось избавиться от них. У Шваба был попугай по имени Ада. Благородное животное, с необыкновенно благозвучным голосом. Побившись изрядно над Адой, мы научили ее четырем словам, которые она выговаривала внятно, отчетливо и громко повелительным тоном. Когда мы в ней были вполне уверены, мы взяли ее с собой в одно прекрасное утро на пароход и поставили в клетке в салон, прикрыв сверху платком. Ада решила, что теперь ночь и молчала.

В Даларэ на пароход пришли четыре пожилых дамы. И уселись нам прямо на ноги. Трескотня пошла полным ходом, она способна была заглушить даже шум пропеллера. Они болтали о всевозможных жизненных невзгодах, все зараз, стараясь перекричать одна другую. Тогда Шваб приподнялся, вытянул из под них свои ноги и сдернул платок с клетки.

— Ах, какая красивая попка,— воскликнула одна из дам.— У моей сестры Адольфины тоже есть попугай.

— Да,—подхватила другая дама,—это так приятно, животные!

Между тем, Ада осмотрелась по сторонам своими круглыми стеклянными глазами, раскрыла клюв и закричала пронзительным голосом:

— Бабьё, марш на палубу! Бабьё, марш на палубу!

Успех был потрясающий. В то лето Ада буквально спасла нас. Но, увы, теперь ее нет! Нет и покоя в салоне. На днях как-то я спал в салоне с Уттерманом, когда явились эти дамы. Мы, конечно, сразу же проснулись и стали ломать себе головы, как бы выкурить непрошенных гостей.

Я сказал:

— Удивительно, до чего двинулась вперед наука в области изготовления взрывчатых веществ. Взять хотя бы это перо, которое я держу в руках, это не перо, это бомба. От нее целый пароход может пойти ко дну, вместе со всеми пассажирами. На войне пользуются точно такими бомбами, чтобы уничтожить броненосец. И она у меня заряжена.

Дамы смолкли и уставились на меня. Вдруг, одна из них сказала:

— Нечего очки втирать! Знаю я вас. В прошлом году один такой господин сидел в купэ на железной дороге и рассказывал, что у него на ноге страшно заразная экзема. И все это только для того, чтобы отделаться от других пассажиров и остаться одному в купэ. Но я не из пугливых!

Уттерман отвернулся к стене, и я видел, что он помирал со смеху.

Болтовня продолжалась. Прошло минут десять. Вдруг Уттерман встал, взял свой саквояж, вытряхнул из него все содержимое, и приготовился идти наверх.

— Ты куда?—спросил я.

— Мы подъезжаем к Грёнэ,—сказал он,—там на пристани жена одного рыбака продает масло всего лишь по 6 крон за кило. Вчера я взял у нее три кило...

Посмотрели бы вы, какую они подняли кутерьму. Уттермана сбили с ног и он повалился на диван, а дамы вступили в кровопролитный бой, потому что каждой хотелось первой выбежать на палубу.

Дружбы как не бывало. В их глазах горела ненависть, они толкались и цеплялись друг за друга.

Когда же они, наконец, исчезли на крутой лесенке, Уттерман вскочил и поспешно запер за ними дверь.

Мы спали спокойно и сладко до той минуты, пока пароход мягким толчком не причалил к Нюбрувикской пристани.

Хассе Цеттерстрем

ПРИКЛАДНАЯ МЕХАНИКА

— Мне бы в кредит материю с прикладом.

— Вот все вы так! Как получать в кредит, так с прикладом, а как деньги платить, так не то что с прикладом, с пулеметом не получишь с вас!

НЕПОСЛУШНЫЙ МАЛЬЧИК

Кабинет Эррио подал в отставку. Главные причины: нелады с Ватиканом и налоговая политика.

Рис. Л. Бродаты

Лавочник: **Говорил тебе—слушайся! Не послушался, обложить нас хотел, вот тебе и награда: теперь не только председательствовать, а даже сидеть не сможешь!**

40 ЛОШАДЕЙ и 8 ЧЕЛОВЕК

ВНИМАНИЮ ГОССТРАХА

Прекрасно работает пожарная часть Сталинского завода, Харьк. губернии, в полном смысле — не покладая рук, но только руки эти—загребущие. Харьковский „Пролетарий“ сообщает:

МАЛ-ЛАДЦЫ—ПОЖАРНИКИ.

В ночь на 23 февраля на шахте № 9 Ново-Смоляниковского рудника вспыхнул пожар. Прибывшая через час после вызова пожарная дружина еще успела закурить от тлеющей головешки.

Особенно же отличалась геройская боевая пожарная команда Сталинского завода. Под руководством героя огня, тов. Степанова, команда в полном составе бросилась в огонь и с опасностью для жизни тащила из пламени такие горючие и взрывчатые вещества, как старые тазы, кастрюли и прочее.

Все спасенное было надежно спрятано в вагоне, в котором приехала команда. Пожарные так рьяно были заняты этим благородным делом, что насос качать было некому. Но это повлияло на ход дела. Пожар потух.

Все, что могло сгореть,—сгорело.

Предлагаем Укр. Госстраху срочно ввести новый вид страхования:—*Страхование от пожарных.*

Желающих застраховаться будут тысячи.

Особенно, на Сталинском заводе.

А бывают, товарищи, такие пожары, которые ни одной пожарной команде не потушить, например когда шапка на воре горит.

Губсуд, тот еще может потушить и то не сразу: от 3 до 5 лет тушить будет. Не меньше!

5 — 3 = 2.

„Уральский Рабочий“ возмущается тем обстоятельством, что

Директор Сарсинского стекло-завода—большой спец по командировкам. За 5 месяцев он пробыл в командировках 85 дней, на которые потребовалось суточных 500 рублей.

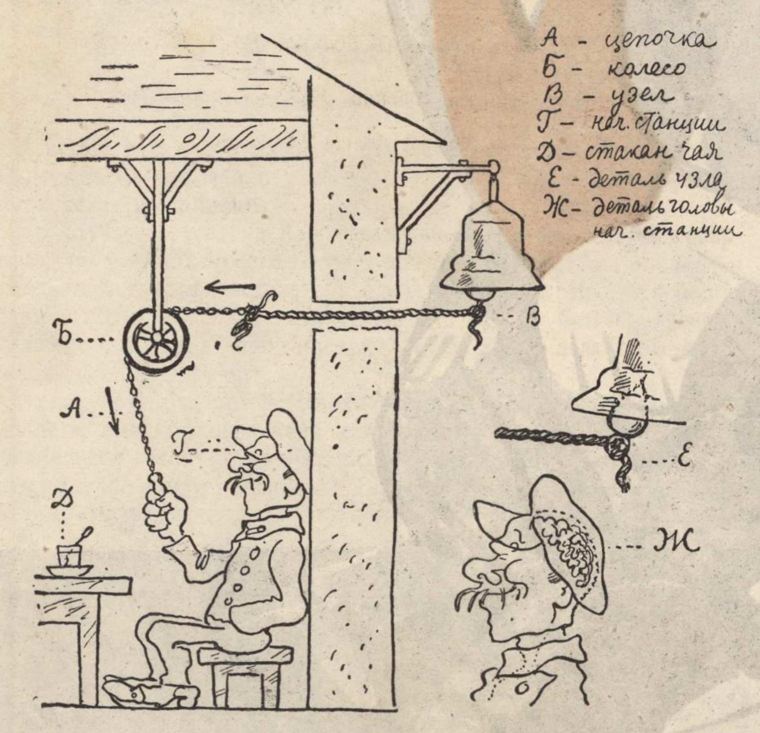
Если скинуть со счета праздники, получается что из 5 месяцев 3 месяца директор путешествовал, и только 2 сидел на заводской работе.

А все потому, что спец-ставку получает—суточные большие выгоняет. Получал бы по тарифу, сидел бы в тарифной сетке,—никуда бы сетка его не выпустила. А так у директора—особая ставка: на командировку!

ОНИ, ДА И МЫ ТОЖЕ!

Хвастают американцы:

— В Америке изобретен аппарат, заменяющий секретаря. Этот аппарат действует при помощи электричества и может сам точно записать разговор двух лиц по телефону, записать все сообщения по радио и, наконец, по телефону дать справку, что хозяин телефона отсутствует.

Ну, да и мы не лыком шиты! Читаем в „Пролетарском Пути“:

ДС (начальник станции) „Бровары“ протянул от станционного колокола веревку к себе в контору и звонит отправления, не выходя на платформу и не интересуясь тем, куда отправляется поезд.

Бойко

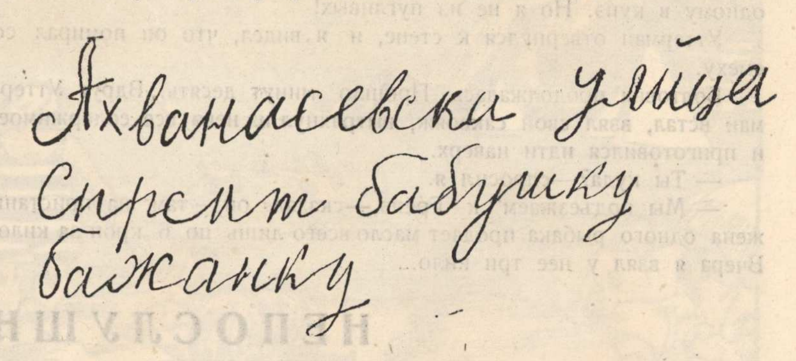
Бойко! Ловко! Оригинально! Недопустимо! Спешите видеть.

БАБУШКА РУССКОЙ МЕДИЦИНЫ

Сообщает наш читатель:

Чтобы попасть на прием к врачу в Харьковский туберкулезный диспансер, надо записаться в очередь и ждать целый месяц.

Я был очевидцем, как одной бабе, отчаявшейся ждать, другая баба дала бумажку с адресом знахарки „бабушки Бажанки“. Подлинную бумажку прилагаю.

Теперь мы знаем, почему, при таких веселых порядках, Харьков все же не вымер до-тла:

Харькову *бабушка ворожит.*

ВЕРХ БЫСТРОТЫ

Пишет рабкор *Кружок:*

На ст. Кара-Кият, благодаря коротким остановкам поездов по новому расписанию, в течении *одной* минуты нужно успеть проделать ряд нижеследующих манипуляций; на ходу поезда № 2-с передать жезл, найти жезл, брошенный машинистом, прибежать в дежурную, опустить этот жезл в аппарат (Симферопольский), дать проследование поезду № 2-с Сарабучу и Симферополю, выслушать запрос Симферополя на отправление п. № 32-с, дать ему жезл... И все это—с таким расчетом, чтобы дежурный по ст. Симферополь успел вынуть жезл, записать номер его в настольный журнал, вручить его главному кондуктору, дать третий звонок поезду № 32-с; чтобы главный кондуктор, — убедившись, что жезл действительно присвоен перегону Симферополь — Кара-Кият, — передал его машинисту и дал сигнал отправления; и, наконец, чтобы машинист успел повторить сигнал и, дождавшись сигналов стрелочников, привел-бы поезд в движение.

Возможно ли все это выполнить в одну минуту, не задерживая поезда? А за задержку—наказание.

Мы смотрим на часы, мы следим за движением минутной стрелки от одной черточки до другой и с сочувствием мысленно рисуем эту ужасную картину: бежит человек, тычет жезл, стремглав ныряет в канаву за брошенным жезлом; судорожно хватает жезл, в три прыжка бросается к аппарату...

Теперь „Смехач“ начинает понимать выражение: „*пережил тяжелую минуту*“.

МЕДИЦИНА

На ст. Андрушевка (Ю.-З. ж. д.) служит ремонтный рабочий, Снигур.

Пользуясь темнотой простонародия, он под маскою врача явился к жене умершего рем. раб. Кравчук и, выпив изрядное количество самогона за счет бедной женщины, начал ее свидетельствовать. забрал документы и уехал, пообещав вернуться, когда получит пособие. Но, конечно, больше не приезжал.

Интересно, какой диагноз поставил этот оригинальный врач? Вероятно, в таком роде:

„Шпалы у вас подгнили, в стыках гайки и костыли неисправны, насыпь размыта“...

Эх! и подсыпят же ремонтному врачу, и накостыляют же ему шею, и пойдет же он гулять по шпалам!

ДЕНЬ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО, и ПОЛУЧКА, КОТОРАЯ БЫЛА

Пишут со ст. Фастово:

Получился у нас грозный начальственный запрос: почему путевым сторожем не был встречен такой-то поезд 29 февраля сего года.

Заволновались, потребовали объяснения от сторожа и вдруг вспомнили: *29 числа* в феврале 25-го года совершенно не было, потому что год не високосный.

А зато было у нас другое знаменательное число — 19 марта. Привезли штатным получку, да превезли не во-время, вечером (см. кодекс), и не на место—пришлось шагать 10-12 верст и возвращаться поздно вечером.

„Смехач“ хотел, было, запросить начальство, да раздумал. Все равно отпишется: скажет, что-мол „на основании циркуляра № 0023479812, принимая во внимание, исходя из чего и посему—29 февраля действительно было, а 19-го марта не было, т. к. год не високосный“.

Не так страшен чорт, как набитый циркулярами высоко-косный человек.

ПРОПАВШИЙ ЛЕС

В одном из кантонов Башкирии случилось невероятное происшествие. „Пахарь Башкирии" рассказывает такую историю с печальным концом:

— Ну, робяты, с лесом. Будя! жила наша Пархомовка без лесов—ныне отвели!

Собрались мужички дер. Пархомовки, Абраевской волости, Уфимского кантона, приехали в лес. Протирают глаза, щупают снег ногами.

— Сколь годков туто-ка и землю обиходовали и оглоблишки вырубали, а места не узнать. Лесу-то нет! Не ошибка-ли?

— Ошибка! Вон и лозов лог, а вон ерик гремучай... Тут должен быть лес мужицкого значения...

А Екатеринославский сельсовет и Абраевский ВИК до сих пор видно не ведают, что лесники Кокотюка да Курбангулов Мударис тридцать пять кубов по пять целковых мужицкого леса кому-то втихомолку забутили...

И получилась русская пословица по-башкирски:—чем дальше в лес, тем меньше дров!

НЕ ПО ПРАВИЛУ

В „Сар. Известиях" рабкор возмущается хлебопекарней, отступившей от основных и обычных правил запекания посторонних предметов в тесто:

КЛЮЧИ ПОШЛИ В „НАЧИНКУ"

До чего человек не додумается:

Вот хлебопекарня при фабрике им. Стружкина додумалась до того, что *вместо тараканов (как это делалось в других пекарнях) стала запекать в хлеб ключи.* Так в черном хлебе, выданном из магазина ЦРК, был запечен простой медный ключ, от которого появилась медная окись, опасная для желудка человека.

Скоро вместо ключей станут, вероятно, запекать и замки.

До замков впрочем дело может и не дойти, если самих к тому времени упекут и под замок спрячут.

А на счет ключей, вы товарищ, напрасно прошлись: хороший русский ключ сразу заметишь и в карман положишь. Вот—французский, тот мельче и опаснее: зазубрины на нем острые и не ко всякому горлу подходит.

ОБЛАКА В ШТАНАХ

Грустную повесть рассказывает „Пролетарий"—о штанах:

ШИРИНОЮ В ЧЕРНОЕ МОРЕ.

Наступил срок замены старой спец-одежды новой, и аккуратное заводоуправление украинской словолитни (Харьков) сказало:

— Заменять, так заменять!

И выдало рабочим что-то вроде водолазных костюмов. Спецодежда таких широченных размеров, аж страшно. Штаны специально для того облака, о котором поэт Маяковский выразился: „облако в штанах".

Сделаны эти костюмчики из толстого непромокаемого брезента.

При высокой температуре в словолитне в них невозможно работать, и большая часть рабочих отказалась от „спецодежды" с *благодарностью*

Раз—*словолитня*, следовательно, отмачивать слова „особого назначения" разрешается; очевидно, в этих словах и вылилась благодарность рабочих словолитни.

ТАМБОВСКОЕ ЧУДО

Изумительный факт, необъяснимый с научной точки зрения, сообщает „Тамб. Правда". В виду огромного интереса, помещаем корреспонденцию полностью.

„ЖИВОЙ ТРУП"

Чудные дела творятся в Малой Тулинке! Живые там оказываются мертвецами, а мертвецы—живыми.

Еще в 1921 г. у крестьянина Хвастунова бандиты отобрали лошадь. Вскоре Хвастунов признал свою коняку у инструктора Пригородного лесничества Позднякова.

Обрадовался мужик. С радости подал заявление в суд.

— Дескать, моя коняшка то. Отберите!

Суд отнесся к его заявлению с исключительной внимательностью.

До 1925 года он ломал голову над этим „трагическим" вопросом. И вот через пять лет—13 минувшего января—потерпевший вызывается в народный суд 3-го района Тамбовского уезда.

В суде ему сообщили:

— Ответчик Поздняков помер...

— Тысь как... помер?—разинул рот мужик.

— Очень просто. Как все умирают... Вот получена справка от Тулиновского сельсовета об его смерти...

Посмотрел Хвастунов на бумагу, почесал, где надо, и—махнул на все рукой.

— Где наше не пропадало!

Подивился, конечно, на такую „премудрость божью"... И только. Но судьба готовила ему новое удивление.

Тут мужик не только руками, но и ногами развел.

Немного спустя после удивительного суда, встретил он человека, который ехал на лошади в Тамбов. Посмотрел мужик—и прирос к земле:

Едет „покойный" инструктор Поздняков на его живой лошади!

Как вернулся домой—он и не помнит. Вторично в суд уже не подает.

— Не, доживу—говорит—до решения-то!

А еще говорят, что на свете чудес не бывает. Сколько угодно. И даже—сколько не угодно!

От всего этого дела скверно пахнет; и неудивительно: за 4 года покойник Поздняков успел основательно разложиться. Давно бы свалился, если-бы за лошадь не держался!

А впрочем, может быть, свалят?

ДЛЯ КУРЯЩИХ

Рис. Б. А.

— Ты чего, Митька, к магазину присосался?

— А жду,—не обронит ли какой дяденька окурок от энтой агромадной папиросы. Вот бы покурили!

ВАГОН МАЛОЙ СКОРОСТИ

Нам доставлена копия рапорта (ст Белополье):

Рапорт

Сообщаю, что сего 20/III-25 г. в 10 ч. вечера мною, совместно с агентом охраны, был задержан на месте преступления с неизвестной женщиной священник гор. Белополье Преображенской церкви гражданин Зеленский Василий—в пустом вагоне возле пакгауза малой скорости...

Агент охраны (подпись)

Ой, батюшки! ой, матушки! Дозволено-ли впадать в плотский грех в неуказанном месте, да еще малой скоростью?!

НЕ С ТОГО КОНЦА

Медицинская рассеянность бесконечно варьируется.

Вот новый вариант:

В Облучьевскую больницу Уссур. ж. дор. пришел один из транспортников.

Фельдшер Горячих, увидя вошедшего пациента, предлагает войти в перевязочную. Пациент следует. Фельдшер предлагает раздется и лечь на операционный стол. Пациент выполняет распоряжение. Фельдшер быстро берет иглу и вонзает в легкую часть пациента. Тот с криком вскакивает:

— Что вы делаете?! Я, ведь, *пришел подобрать очки*!

Фельдшер Горячих отвечает:

— Ах, чорт возьми! Я вас принял за другого!

Как не сказать, к слову:

— Всыпал пациенту горячих!

СВОИМИ СИЛАМИ

Способные люди выдвигаются даже в глухой деревне. Серпуховский „Крестьянский набат" помещает такую заметку:

СМЕКАЛИСТЫЙ ТРАКТИРЩИК

Трактирщик Тулякин в деревне Дракино для чайной берет воду из стоячего озера, хотя рядом имеется родниковая вода. В этом озере крестьянки полощут белье. Вода стоячая, почему чай крепче настаивается.

Трактирщик—один, завсегдатаев—целая деревня, да к тому и название крепкое—„Дракино". Надо полагать, что справятся своими силами.

РАЗНОБОЙ

Непорядок существует на одном Саратовском лесозаводе.

На лесозаводе имени Розы Люксембург рабочие никак не могут бросить старую привычку. По окончании работы каждый почти рабочий идет с шабашкой, или обрезками досок. На предупреждения младших агентов охраны они отвечают: „что тебе, или жалко?"

Вот и получается разнобой! Получают все поденно, а воруют сдельно: каждый, сколько унесет.

А насчет привычки верно во всех смыслах.

Придется или рабочим бросить привычку, или лесзаводу бросить рабочих!

Рис. Б. Антоновского

СМЕХАЧ

Я, Евлампий Надькин, (настоящий) уведомляю своих читателей и почитателей, что вернувшись из-заграницы, возобновляю свои приключения на страницах журнала „Смехач“

(на 1 мес.—60 коп., на 3 мес.—1 р. 70 коп. и на полгода—3 р. 20 к.)

С почтением

Евлампий Надькин

ПОПУЛЯРНОЕ ИМЯ

Есть такие популярные имена, присвоить которые каждому лестно.

Непример,—Владимир (в честь т. Ленина), Зиновьева (в честь т. Зиновьева), Калина (в честь т. Калинина) и много других.

С некоторых пор к ним прибавился Смехач (в честь журнала „Смехач“).

Пишет рабкор:

> У нас в Свердловке появился гастролер-дубликат „Смехача“, подписывающий свои стихи именем *Смехач.* Стихи (в № 77 „Уральск. Рабоч.“) прилагаю.

Прочитали стихи. Недурные. И нам понятно желание автора придать им еще бо́льшую ударность популярной подписью.

Аналогичный прием употребляет „Красная Газета“ (Вечерн. выпуск) в Ленинграде.

Вот:

МОСКОВСКИЕ СМЕХАЧИ
(„Бузотер“, „Красный Перец“, „Крокодил“)

Эффект для глаза получается тот-же. Как бы ни были хороши перечисленные журналы, они значительно выигрывают от этих октябрин.

Было бы еще остроумнее, после имени „Смехач“ писать в скобочках:

„На месяц—60 к. на три месяца 1 р. 70 к., на пол-года 3 р. 20 к.“.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ-ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ

Спи, мой маленький Мишутка,
Баюшки-баю.
Я тебе спою не в шутку
Все про жизнь твою.

Ты родился в будке грязной,—
Сто седьмой версты.
Тяжесть жизни непроглядной
Рано понял ты.

Подрастешь ты понемногу
И служить пойдешь.
Купишь с кантами фуражку,
В руки флаг возьмешь.

Сдашь экзамен в телеграфе—
Трудный и большой.
Будешь очень важный с виду
И ДС *) душой.

Все постигнешь, все узнаешь:
Как отправить груз,
Как принять цистерну с нефтью...
Спи, мой карапуз!

Спи!...—Склонясь к твой кроватке,
Я тебе пою...
Проживешь, не зная взятки...
Баюшки-баю.

Максимыч

*) —ДС—н-к станции.

ФАКТИЧЕСКАЯ ПОПРАВКА

Участились случаи преступной небрежности хирургов во время операций. (Из газет.)

Рис. Л. Бродаты

— А это что: операционный стол?
— Как сказать,—скорей всего,—стол абонентов: вчерась хирург у больного в животе телефонную книжку забыл.

КУСТАРИ

(Посвящается режиссерам и драматургам.)

I.

— Вы платите деньги, но вы имеете вещь!—восхищенно сказал портной Хныкин, поглаживая по спине драматурга Симакова.— Это не костюм, а шедевр!

— А почему тут латка? — тоскливо спросил Симаков.

— Во-первых, это не латка, а заштопка. А во вторых, это ведь не новый костюм, а перелицовка. Что же вы хотели от старого жениного капота? Я уж и так старался. Одних ниток на целковый извел.

— Причем тут нитки?—обиделся писатель.—А вот тут вы сделали узко. Давит.

— Узко? Я вам скажу, почему оно узко. Потому, что это—последний крик Парижа. Не буду же я в 25-м году шить так, как шил в 14-м! Вы посмотрите на бухгалтера Чанова, на журналиста Ботлецова! Такая узость, что ужас!

— Ну, хорошо, а почему вот тут, сзади мешком висит?

— Каким мешком? Ах, да! Мода а-ля замзав Бумтреста Кокофонов. Я так и знал, что вам понравится.

— Гм... Мне это, пожалуй, не совсем нравится...

— Вполне понятно! Потому что вы не читали „Вестник моды", № 4, страница 17-я.

— Причем тут мода?—обиделся Симаков.—Могу я за свои деньги требовать?..

— Хорошо!—испугался портной.—Раз заказчик требует—не может быть никаких разговоров. Тут мы съузим, а тут распустим. Помилуйте, 10 лет работаем, и никакого неудовольствия от заказчика не имели.

— Потом вот еще что: блузу сделайте не со шнурками, как я говорил, а под пояс. На груди—карманы.

— С удовольствием. С вашим приkладом—пять рублей.

— Позвольте! Выходит, этот костюм влетит мне рублей в 25!

— Но зато—какой костюм! „Универсаль!" Во-первых, для работы. Воткните воротничек с манжетами—и он уже парадный... Абсолютно для всех случаев жизни! А когда он немножко поизносится — вы можете сделать из него кофточку для вашей жены. Надоест кофточка—из него выйдет прекрасное пальто для вашего сыночка, или капор для младенца. Это будет вам стоить сущие пустяки! Я уж постараюсь...

II.

Драматург Симаков похлопал по своей рукописи и лукаво подмигнул режиссеру Каратову:

— Вы имеете хорошую вещичку! Это не пьеса—настоящий шедевр...

— Гммм... Да. А почему вот тут пришита вроде как бы шекспировская сцена?

— Во-первых, это не сцена, а интермедия. А во-вторых, это ведь не новая пьеса, а переделка! Чего же вы ждали от романа Чабика? Я уж и так старался. Одной бумаги—на пять рублей.

— Причем тут бумага? — поморщился Каратов.—Вот тут у вас узкий подход. Декадентство выпирает.

— Узко? Я вам скажу, почему оно узко. Потому что это последний крик нашей драматургии. Не буду же я в 25-м году писать так, как писал в 14-м! Вы посмотрите на актеатры, на „Зеленовато-синий театр!" Такая узость, что ужас!

— Ну, хорошо, а почему вот тут Пинкертоном пахнет?

— Каким Пинкертоном? Ах, да! Это сделано под Илью Эренбурга. Я так и знал, что вам понравится.

— Ну, знаете, мне это совсем не нравится...

— Очень просто! Значит, вы не читали журнал Главполитпросвета № 16, страница 7! Мода!

— Причем тут „мода?"—обиделся режиссер.—Мы платим вам деньги...

— Хорошо!—струсил драматург.—Тут можно выбросить Допр, а тут вставить Мопр. Помилуйте, 10 лет пишу пьесы, театры всегда довольны были. Мои работы общеизвестны.

— Затем, полковника сделайте не деникинского, как я говорил, а колчаковского. В конце—мотив смычки.

— Это можно. С вашим историческим материалом—четвертная.

— Ого! Этак нам пьеса обойдется рублей в 300!

— Да, но что это за пьеса! Во-первых, как рядовая постановка. Вставьте монолог о рабочей солидарности—и у вас готова постановка к 1 мая. Выкиньте пролог—и смело играйте ее в День Парижской Коммуны. Абсолютно для всех революционных праздников! А когда она немножко состарится—вы легко сделаете из нее прекрасную вещь для делегаток. Надоест с делегаткой—из нее выйдет при небольшой перестройке чудесная комсомольская или пионерская штучка! Пять червонцев—и дело сделано! Мой телефон 5-63-77...

. . . .

... Случилось так, что в тот же день драматург Симаков встретился в пивной со своим портным Хныкиным.

— Эх, жизнь собачья!—простонал Хныкин после 3-й бутылки.

— Мало зарабатываете?—сочувственно спросил Симаков.

— Не в этом дело... Заказчик нынче пошел—тьфу! Не заказчик, а слякоть... Попробуй ему угодить.

— Верно, товарищ,—воскликнул Симаков, горячо тиская портновскую руку.—Как ни старайся—не угодишь ему, дьяволу. Нашему брату, кустарю, хоть ложись да помирай!..

И удрученные общим горем, они слились в крепком объятьи.

Леонид Чернов

ЗАДНИМ УМОМ КРЕПОК

Рис. Б. Антоновскаго

— От двух до трех... А я ему пять сунул! Переборщил!..

ПАХТЫРЬ

(Рассказ заезжего мужика)

Село наше, прямо скажу, глухое, еловое:
Зимой за овцой разве сунется серый волк,
Да, бывало, в краснолетье грозовое
Белой банды шпыняет за бабами полк.
И вдруг тебе загудело... Признаться, подумал...
Опять разор... Антилерия...
Из-за угла гляну, все-ж пойду, мол,—
Што за материя?
Жук не жук, слышу, жужжит через улицу.
Народу, народу!
Просвирия Микулишна, как на чорта пулится;
Глядела, глядела—да в воду!
Карасю в пруду и не прибыль—старые кости
А нам прибыло, таки, знатно:
Трахтор, бают мужики, к нам в гости!
Так! Очено, мол, приятно!
Ну и гостек! Колесищи—во! Красные!
Пыхтит, что сердитый бык.
Деньки стояли ведреные, ясные,—
И пошел кромсать паровик!
Почесать не успел поясницу я,
А мальченка мой пальцем снырять в ноздрю —
Вон, как управляются с землицею—
Пол-нивы, ан, нет! смотрю:
Пахтырь—хоть куды! А там мужики для потехи
Пр цеп ли сзади десяток телег:
Катайся, девки! грызи орехи!
И сурьез, и смех!
Ну и что-ж! Оставили на селе гостя;
Приписали к обчеству—не дураки!
А Микулишне крест поставили на погосте,
Хоть и ксслись большевики.
Село наше, прямо скажу, простецкое,
Пахтырь. А взялась за ум изба:
Попробуй расшибить дело советское—
М жет, хватит лба!

А. Липецкой

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

ПОЛЕССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

В Гомеле выходит газета „Полесская Правда“. В „Полесской Правде“ имеется страничка — „Рабочий Досуг“ — литературный еженедельник. В литературном еженедельнике рабочих кормят такими образцами художественного слова:

> Наступала весна и война.
> Снег немедленно струсил и растекся. Светлая вода затопила тротуары. Собаки стали покушаться друг на друга. Газетчики выли и рычали.

Дело происходит в городе, где белые в виду наступления красных, спешно мобилизуют белобилетников.

> Близорукие так сверкали двояковогнутыми стеклами своих очков и пенснэ, что походили на хрустальную вазу, внезапно найденную *в помойнице*.

Юмор автора начинает принимать в дальнейшем угрожающие размеры:

> Утро началось скандалом.
> Рядовому второго взвода раздавили очки.
> Усатый прапорщик из унтеров, задышал гневом и табачищем, как Петр Великий.
> — Фамилия твоя как?
> — Шопен!—ответил *агонирующий* рядовой второго взвода.
> — Дешевка ты, а не Шопен! Что теперь с тобой делать? Видишь, что-нибудь?
> — Ничего не вижу!
> — А это видишь?
> И прапорщик поднес к самому носу рядового Шопена такую страшную дулю, что тот сейчас же замолчал на-веки.

И наконец, в финале, когда город был захвачен красными, оказалось что

> Сердце прапорщика *брехало, как у собаки*.

Ну и сердце! Автор явно „агонирует“, ему бы в самый раз попасть в „помойницу“, а сердце брешет, хоть бы что!

И такую брехню скармливают читателям „Полесской Правды“.

НЕ ЧИТАЙТЕ НА НОЧЬ!..

Не всякую статейку можно читать, ложась в постель; есть такие страшные, что прочтешь, а потом всю ночь будут ужасы сниться. Взять хотя бы, к примеру, очерк о сумасшедшем доме, помещенный в одной ленинградской вечерней газете. В числе прочих ужасов, читаем:

> ... Нечеловеческие крики.. Запах пота:.. *Лезганье голых фигур*...

Насчет „лезганья“ фигур не знаем, не приходилось; а вот ежели по лбу фельетониста ударить каким-либо продолговатым предметом, отчетливо послышится лязг.

Из всех неблагородных металлов медь дает самый чистый звон.

МУЗЕЙНЫЙ ЭКСПОНАТ

В ленинградском сборнике „Ковш“, расчитанном на широкую читательскую массу, можно прочесть следующие простые и понятные трудящемуся человеку строки, дышащие пафосом современности.

> ... Среди людей я плыл по морю жизни,
> Держа в цепях кричащую тоску,
> Хотел забыться я у ног любви жемчужной,
> Сидел смеясь на днище корабля.
> Но день за днем сгущалось оперенье
> Крылатых туч над *головой тройной,*
> Зеленых крон все тише шелестенье,
> Среди пустынь вдруг очутился я.
> (*К. Целинов. Поэма.*)

Чудак человек: имеет тройную голову и молчит из скромности. В любой музей на всем готовом примут. Да что—музей: в любом тресте три спец-ставки дадут; только работай...

Так нет же, пишет человек стишки, держит в цепях кричащую тоску и сидит на днище корабля.

Одно слово — свободная профессия!

ПОЛЕССКИЙ ХОЗРАСЧЕТ

Умер руководитель одной из фабрик Полесского Бумтреста гр. Бернд. Жаль хорошего человека. Незаменимый был работник.

Однако, как бы ни была велика скорбь работников бумтреста, следовало бы подумать об экономии трестовских денег и не давать, к примеру, таких объявлений в Гомельской газете:

> **З водоуправление** Добружской писчебумажной Фабрики „Герой Труда" выражает семье незабвенного
>
> **Альберта Эдуардовича БЕРНД**
>
> свое искреннее соболезнование по поводу постигшего ее горя.

> **Сослуживцы** по Добружской писчебумажной фабрике „Герой Труда" незабвенного
>
> **Альберта Эдуардовича БЕРНД**
>
> выражает свое искреннее соболезнование семье покойного по поводу постигшего ее горя.

> **Фибричный комитет** Добружской писчебумажной фабрики „Герой Труда" выражает свое соболезнование семье внезапно скончавшегося
>
> **Альберта Эдуардовича БЕРНД**

> **Правление** Полесского Бумтреста выражает свое глубокое соболезнование близким родным внезапно скончавшегося
>
> **Альберта Эдуардовича Бернд**
>
> и выражает свою скорбь по поводу большой утраты, понесенной Добружской писчебумажной фабрикой „Герой Труда", лишившейся опытного руководителя бумажного производства.

> **Местком и коллектив** Полесского Бумтреста выражают глубокое соболезнование семье скончавшегося
>
> **Альберта Эдуардовича Бернд**
>
> по поводу постигшей их тяжелой утраты.

Из пяти объявлений чего проще было составить одно?

Эх, живи покойник, никогда бы не допустил он такой бесхозяйственности!

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК „СМЕХАЧА"

(Адрес для корреспонденции: Ленинград, пр. Володарского, 53а).

Пенза, А. Н. Т. Не печатаем по многим причинам. Во-первых, неудачно.

Смоленск, Рабкору. Шлите.

Ленинград, М. Э. Заметка *„Проэкт новой конституции"* в корне неправильна. Вы, не знаете, что такое БСНК и МСНК? Объясняем: Большой Совнарком и Малый Совнарком.

Садитесь. По политграмоте—единица.

Белев, Эн. От „Бенефиса", из скромности, отказываемся.

Воронеж, Е. Д-ой. В общем — ничего, а в целом—скучно.

Москва, А. С—му. О Керзоне поздно. Об Эррио тоже. Они умирают и слетают раньше, чем вы успеваете написать стихи.

Кстати, нельзя ли поменьше грома и молнии:

Овин истории безбрежной
Наполнен грохотом веков:
Рабов восстание мятежных
Гремит разрывами оков.

Тредьяковский писал еще звончее:

Стрекочущу кузнецу,
В зленом блате сущу;
Ядовиту червяцу,
По ветвям ползущу...

Старая Бухара, Д—ву Совершенно новая форма стихов:

Следит за каждым он движеньем,
За каждым вздохом молотка
Следит за всем распоряженьем,
И его твердая рука... вперед протянут.

Вы уведомляете „редакцию в том, что в запасе есть около десятка стихотворений".

Около десятка—это не страшно. Значит, болезнь не успела пустить глубоко корни.

Ив. Пр.

НЕГРАМОТНАЯ

Заметка из „Уральского Рабочего":

> Работница ЦРК т. Старикова, проживающая по Усольцевской ул. № 56, *пишет*: „С детства жила у господ терпела нужду и теперь меня притесняют. Живу я с двенадцатилетним сыном в темной проходной комнате. Состоятельные жильцы несколько раз в день водят на прогулку своих собак через мою комнату. *Начала было грамоте обучаться,*—продолжает тов. Старикова,—*да бросила*—нет возможности".

Скажите!—нáчала обучаться, бросила, а как здóрово пишет.

Только знаков препинания не хватает. Но в этом виновата неликвидированная неграмотность корректора.

РАССТРОЙСТВО ЯЗЫКА

„Слава за любовь"—роман Уильяма Дж. Локк, перевод с английского С. Штейнберг.

Перевод такой:

> Проезжая по некрасивым, однообразным улицам Лиона, глаза Этты разбежались. (Глава XI, стр. 117).

Таким образом, до конечного пункта поездки не доехал ни один из разбежавшихся глаз.

Немудрено, что нечем заглянуть в грамматику.

ПО ПОГОВОРКАМ

Скамью подсудимых хоть гагачьим пухом покрой, все равно жестко будет.

РЕШЕННЫЙ ВОПРОС

— И так, по этому вопросу мы пришли, наконец, к заключению...

— Увы!—к пятилетнему...

СКРОМНАЯ НАТУРА

— Что вы скажете в свое оправдание?—спросил судья обвиняемого, когда его защитник кончил речь.

— Присоединяюсь к предыдущему оратору.

В БЫТУ

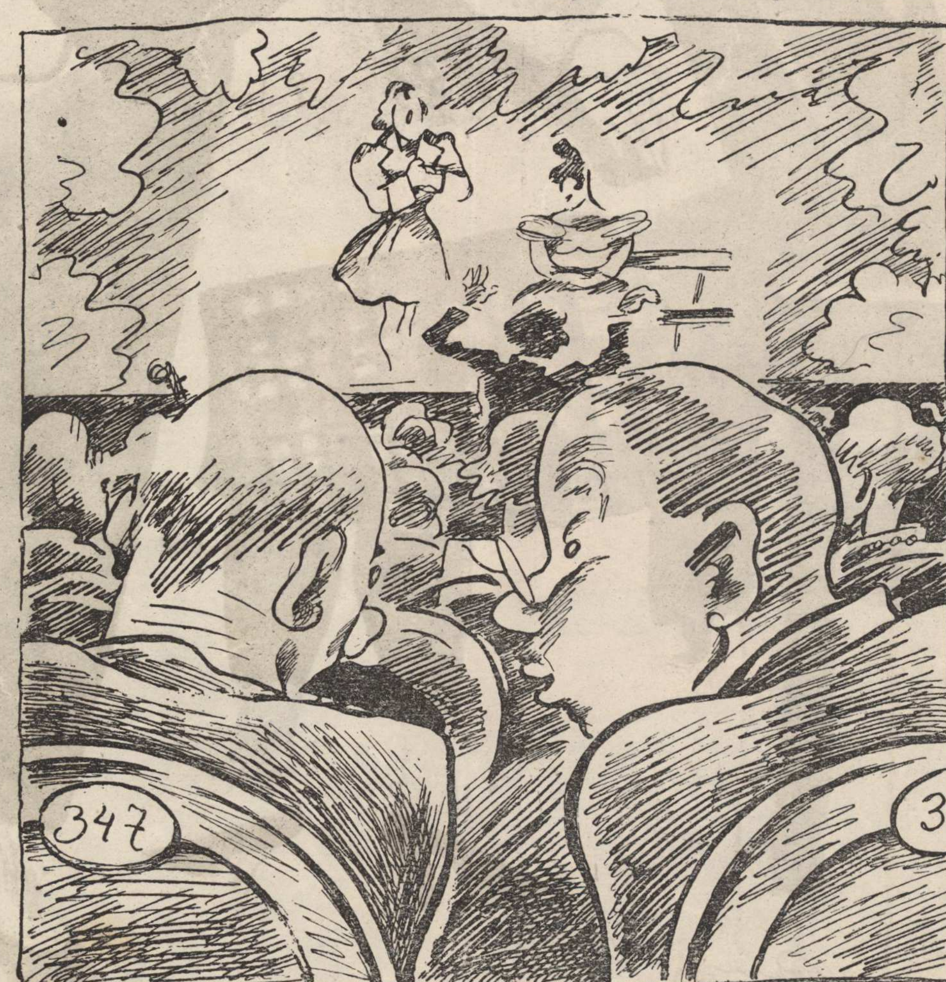
— Поди, поди сюда, негодный мальчишка, я тебя высеку!

— Брось, мамка, валять Усаса!

ОСОБЕННАЯ ПРИЧИНА

Рис. Н. Р.

Артист Собинов избран в Моссовет.

— Что-йто Собинов сегодня не в голосе...

— Да он же прямо из Моссовета: весь день голосовал.

Издатель: „ГУДОК"

Ответственный редактор А. С. Андрейчик

Ленинградский Гублит. № 9978. Типография "Инвалид Печатник" Ленинград, Улица Воинова, 26. Тираж. 60000.

НА СВОЙ АРШИН

Рис. В. Козлинского

— Зашла в суд поглядеть, кого-ж это пришили? Батюшки, — гляжу: артистка госдрамы, Орлова-Дунайская!.. Небось, без регистрации гуляла!